

Премьера

Фильм

о «непохожей»

артистке

За что бюрократия не любила Елену Камбурову! В этот вопрос незлобно утыкаешься, посмотрев телефильм «Мой театр», только что созданный в творческом объединении «Экран».

Сами авторы не берутся определить жанр этой полнометражной (час десять минут) ленты. Она была задумана поначалу как фильм-монография о Камбуровой, и сценарий подготовили соответствующий: немного биографических сведений, чуточку философии о нелегкой жизни человека искусства, фрагменты концертных выступлений... Все полетело вверх тормашками, когда в дело включилась сама героиня. Роль пассивного объекта съемок ее не устраивала. С трудом укладываясь в жесткие временные и финансовые рамки студийного плана, на ощупь, методом проб и ошибок двигались создатели картины: режиссер-оператор Геннадий Карюк, чей операторский опыт гораздо богаче режиссерского, и артистка Елена Камбулова, имеющая отношение к эстраде (по штатному расписанию), к театру (по склонности души), но никогда в жизни даже близко не подходившая к кинематографу.

При таком раскладе понятно, что и оптимисты предрекали фильму провал. Спасли могло только чудо. Сно, видимо, и спасло, если учесть близость таких понятий, как «чудо» и «талант».

Артистка выразила свое отношение к сути сделанного в названии картины, родившемся, кстати, не сразу, а лишь по ходу работы. Режиссер расценивает ленту как «путешествие в мир образов», создаваемых артисткой. Со стороны же все это выглядит как весьма необычный опыт экранизации... песни.

Непонятно? Песня как бы рассекается по ролям-голосам, и каждая роль разыгрывается по отдельности — в соответствующем наряде, в гриме. А потом — средствами кино — все опять сводится воедино. И получается сценка, в которой всех персонажей, столь непохожих

друг на друга и характером, и обликом, и голосом, представляет Елена Камбулова. Она — и умирающий грозный царь, терзаемый запоздалыми муками совести, и еле скрывающие радость бояре, и бесшабашный мальчишка-звонарь, пляшущий под колоколами... Она — грустный Петрушка, которого не пускают на лужок погулять в известной песне Юлия Кима. И грузная, грубо размалеванная хриплоголовая купчиха, подпирающая дверь заступом, чтобы Петрушка, не дай бог, не выскользнул, — тоже она...

Зачем? Разве недостаточно того мира, который Камбулова создает своим голосом, без всякого грима и декораций? Ну, это кому как, видимо. Ей самой — недостаточно. Драматическая актриса не была в ней убита неудачей с поступлением в Щукинское, жила с юных лет и не дремала — рвалась наружу, не удовлетворяясь теми скудными возможностями, что представляли подмостки эстрады. И вот — дождалась своего часа, вырвалась. А что? Разве плохо это — шагнуть за черту, которую все вокруг считали твоим пределом? Разве дурной пример подавать?

Дитя обманчивой хрущевской «коттепели», она вышла в мир (в то время — в основном студенческий) с песнями знаменитых бардов — Окуджавы, Высоцкого, Матвеевой... Не в том ли ее «вина», что не захотела сменить одежду с наступлением новых «заморозков»? Впрочем, брови чиновников от искусства хмурились, за что бы она ни бралась — хоть за русский фольклор, хоть за песни времен гражданской. Даже лермонтовский «Парус» в ее устах кое-кем был расценен как призыв... покидать Родину!

На практике же все это означало отсутствие рекламы, второсортные концертные залы, «перекрытие кислорода» по части финансов, реквизита, гастролей. Лишь недавно портреты и интервью певицы стали появляться на страницах центральных газет. Буквально «вот-вот» вернулась из Лондона, где выступала, по свидетельству лондонцев, с огромным успехом. И только что сделанный телефильм, который, возможно, уже в апреле выйдет в эфир, — веха в том же ряду.

Пожалуй, в некотором смысле он все же подкашивает ответ на вопрос о причинах чиновничьей немилости. Своей неординарностью. Неукладываемостью в предначертанные кем-то рамки. Такова ведь и сама Камбулова с ее отношением к песням как к «живым существам» (по собственному определению), с нелюбовью ко всяческому штампу, с отрицанием шумового напора, убивающего духовное начало в искусстве. С ее борьбой против

индустриализации творчества (прежде всего на эстраде), обезличивания личности как на сцене, так и в зрительном зале. Против всего, что облегчало и облегчает аппаратное манипулирование людьми.

«Голубчик Петрушка, собрался куда? Уж поздно, уж темно, все спят господа...» Телевизионный фильм «Мой театр» подводит к мысли, что мы начинаем наконец пробуждаться.

М. КРУШИНСКИЙ.